

Иван МАКАРОВ

ВЫПИТОЕ И ПРОЛИТОЕ

*Книга воспоминаний
(Отрывки)*

Буря мглою

Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя, то, как зверь, она завоет, то заплачет, как дитя... Выпьем, добрая подружка бедной юности моей! Выпьем с горя, где же кружка?..

Почему-то лучше всего я представлял себе кружку, из которой поэт с няней собирались выпить, и как они ее ищут. Я представлял себе кружку синей, эмалированной, эмаль местами отбита, такая кружка была у нас.

Подружка, старушка няня, сидела почему-то на табурете, а поэт стоял над ней с гусиным пером в руке. Так было нарисовано в книжке. –

И вот: «Где кружка?» – Начинают искать. Сначала одна няня ищет, поэт ждет, стоит с пером в руке, потом и он не выдержал, ищут вместе. Кружка должна быть на кухне, как наша синяя, у которой, где эмаль отбита, металл темен и ржав. Длинная, довольно узкая кухня (как наша коммунальная), три стола, газовая плита. На окне белая занавеска. За окном темно, это там «буря мглою небо кроет». Поэт и няня открывают шкафы, заглядывают на полки. Даже под столы. Но где же она?

...И поэт был не прост. Выпить – так сразу кружку. В нашем доме пили из рюмок: были такие простые стеклянные граненые рюмки на ножках (последняя совсем недавно разбита). А из кружки пили воду, молоко, которое я тогда пить не любил, иногда чай.

Я ни капли не лгу и не сочиняю, я именно так и представлял себе, когда мне, маленькому, читали эти дивные строки и показывали картинку в книжке.

Воспоминания

Наши воспоминания досаждают не только нам, но и тем, кому мы их рассказываем. Ничего не поделаешь. Проба пера неизбежно сопровождается порчей бумаги.

Мурка

В начале жизни я почти ничего не помню.

Но и до непосредственного своего появления на свет человек уже оказывает заметное влияние на ход жизни. Приготавливается всякая чепуха: тряпки, коляски кроватки. Строятся, наверно, и всякие планы.

Моему появлению на свет предшествовало событие печальное.

Еще не будучи рожден, я (невольнo?) оказался причиной смерти другого существа: из-за меня усыпили кошку.

Кошку звали Муркой, она была любимица всей семьи, и все же была отнесена в ветлечебницу. Мать моя была тогда особенно мнительна в отношении всякой заразы (это было тогда модно и как бы даже научно). И вот во избежание контактов новорожденного с животным, носящим на себе целые легионы микробов, от животного пришлось

отказаться: другого способа оградить меня от опасности инфекции ввиду тесноты жилища не предвиделось.

Итак, я начал с того, что из-за меня погибла кошка.

Впоследствии я видел ее на фотографиях: очень красивое животное. Я узнал эту грустную историю довольно рано. Пока я рос, мне не раз рассказывали о необыкновенном уме, воспитанности и прочих добродетелях погибшей из-за меня кошки.

Много времени прошло, и теперь я рассказываю об этом без особенного сожаления и даже почти без жалости. Но это когда рассказываю. А стоит представить и задуматься – холодок по коже. Нехорошо получилось.

Смена караула

Окно в нашей комнате было расположено не как это обычно делается, не в середине стены, а немного сбоку, почти в углу, так что в пасмурные дни в комнате было темновато. На подоконнике рос лимон, но плодов не давал: не был привит. Окно выходило в переулок, напротив был штаб (московского военного округа), военный трибунал и гауптвахта. С известной периодичностью разводили и сменяли часовых. Солдаты с пистолетами на боку шли по переулку строем. Я знал уже, что идущий впереди называется разводящим. Немного помаршировав, солдаты уходили, а один оставался стоять у высокой застекленной двери. До какого-то возраста я внимательно смотрел маленькое военное представление, потом наскучило, и я редко, только в тоске детского заключенного в четыре стены безделья обращал внимание на проходящих строем. Мне и в голову не приходило, что стоящий на посту часовой, наверно, больше всего думал о том, что время уж слишком медленно идет, и хорошо было б, если б оно шло скорее...

Трусоват был Ваня бедный

Почему-то в детстве я очень боялся собак (это продолжалось до тех пор, пока первая укусила, тогда я понял, что это не очень страшно), поэтому стихов Пушкина про вурдалака (из «Песен Западных славян») понять совершенно не мог.

Там мальчик ночью идет, если помните, домой через кладбище, слышит, как кто-то, ворча, грызет кость, думает, что это вурдалак, который его съест, и боится. А когда оказывается, что это собака, совершенно успокаивается и даже сердится.

Это было непостижимо: бояться вурдалака, который был, как объяснялось, плод воображения, мистика и суеверие, и не бояться собаки (грызущей к тому же кость!), которая вполне по-настоящему могла укусить...

Подразумевается счастье

Я, конечно же, не хожу в лесопарк, где деревья сбрасывают и разбрасывают кругом свои желтые и красные осенние, сухие и мокрые листья. Я только, мимо проходя, вижу, как возвращаются из парка гуляющие. Они несут охапками кленовые листья и камыш, несут родниковую воду во всевозможной посуде (потому что водопроводная, говорят, вредна). Маленьких детей несут на руках. Которые постарше идут сами.

Девочка идет за мамой. Мама знает дорогу. Не раз и не два проходила она здесь рука об руку с папой.

Уж и девочка не раз и не два проходила здесь с мамой: по крайней мере, один выходной в месяц посвящается прогулкам в парке. Не так ли возникает чувство Родины здесь, среди одинаковых, блочных, пяти- и девятиэтажных домов?

Родина. Красный флаг. Что-то от корриды.

Родина – что-то такое поэтическое или военно-патриотическое, будто не поэты и не военные вовсе и не родились нигде...

У людей праздник, и все они как один идут гулять в лесопарк.

Там пудель, нюхая, выходит из-за куста, а большая ворона клюет какую-то дрянь и думает, думает, думает...

Пожилая женщина, фармацевт, собирает косточки, немного мяса, размачивает черствый хлеб, все это смешивает, добавляет сулему и стрихнин, несет в лесопарк и кладет там под куст – может быть, найдет и съест какая-нибудь собачка...

Все равно я не пойду гулять в лесопарк, где дует над дубами ветер, и летят мелкие березовые листья.

Хотя иногда так просто кажется: походи в лесопарк и...

С листьями и камышами семья идет к автобусу. Ребенок кашляет. Подразумевается счастье.

Люди идут, и они кажутся себе вполне в порядке вещей: они совершенно сами себя не стесняются, им не стыдно быть.

И это совершенно естественно и правильно, но только когда они так вот, почти толпой выходят из лесопарка, это почему-то кажется странным.

Громко лает, охраняя оставленную на лавке канистру с родниковой водой, маленькая белая собачка.

Собачка нервничает. Дайте собачке воды.

Конечно же, я не хожу в лесопарк, но что же я делаю, когда не хожу в лесопарк?

Что я делаю? Ничего. Я вспоминаю.

Время идет назад?

...Это все уже в прошлом, все воспоминания (о том, как я не слишком любил идущих в лесопарк людей?). И теперь я уже вспоминаю о том, как вспоминал тогда... Воспоминание о воспоминании? Не слишком ли?

Родина

Никогда я не был так близок к земле, как в детстве. Позднее сказывалось прямохождение.

Наш двор. Утро. Никогда и нигде я не видел столько света.

Буря мглою

«То по кровле обветшалой вдруг соломой зашуршит...»

– Кто там?

– Путник запоздалый.

Детский сад. Зимний вечер

На улице темно, я стою у окна. Один. Я стою и смотрю, как темно на улице. Горят, конечно, какие-то фонаря, окна светятся, сверкают проезжая трамваи. Но это далеко, далеко. За всеми уже пришли, я жду, когда же за мной...

Ничего, думаю я, когда-нибудь и за мной придут.

Череп

Однажды летом или поздней весной во двор принесли череп.

Не помню точно, сколько мне тогда было лет, но в школу я, кажется, уже ходил.

На другой стороне улицы, за домами была тогда стройка (у больницы водников), и оттуда ребята постарше его принесли. Нашли в котловане. С левой стороны у виска в черепе было две маленьких дырки. Саша Ветров, самый старший и, соответственно, самый умный (5-й класс) взял череп левой рукой, а в правой у него был воображаемый револьвер:

– Бах!.. Потом от первого выстрела рука дрогнула, и другая пуля неточно попала...

Мы, маленькие, стояли вокруг, смотрели и слушали.

Отверстия в черепе были совсем рядом и по величине действительно вполне могли быть пулевыми.

Но я не очень верил, что отверстия в черепе были от пуль. Это слишком романтично, даже, страшно сказать, слишком *красиво* тогда казалось, что-то слишком нездешнее в нищете нашей обыденной, со всех сторон огражденной жизни.

Когда рассматривать череп надоело, им немного поиграли в футбол, и долго еще лежали во дворе тут и там куски, осколки черепа, черепки. Гуляя один, я часто останавливался над ними. От нечего делать? Или эти некрасивые, неяркие и по всему близкие к земле предметы чем-то привлекали меня? Необычностью происхождения? Да, помню, я искал в них чего-то необычного, загадочного, не такого, как все вокруг. Искал и не находил.

Изнутри осколки были все в тонких, вьющихся, ветвящихся линиях, как ветки дерева. Вероятно, следы кровеносных сосудов.

Помню

Помню, что-то еще помню. А вот что именно помню, вспомнить никак не могу.

Труби, золотая труба

Пионерский лагерь в последний раз. Затянувшееся детство.

Труби, золотая труба!

Мы еще не умерли в этом, мокром, как плащ, саду. Мы живем здесь в теплом и странном мире преждевременных чувств.

Самого грязного из пионеров, который курит и сквернословит, не выгоняют из лагеря за умение играть на трубе.

Он встает раньше всех и плетется со своей трубой на пустой асфальтовый двор.

И трубит золотая труба.

Вечер. Мы гуляем за территорией, что, естественно, категорически запрещено.

За высоким штакетником горит фонарь. Тень от штакетника далеко убегает в кусты, в поле. Пейзаж становится полосат.

– Мне холодно.

Я взял ее руки, они были горячие, казалось, она вся горела.

Согреть я ее не успел.

Появившийся откуда-то пионервожатый Толя, большой, лысый, похожий на обезьяну средних лет, загнал нас назад, в лагерь.

Отбой.

Трубит золотая труба.

Другой вечер. Мы внутри. Но в самом дальнем углу огороженной территории, за кустами смородины и крыжовника вдоль забора гуляем.

– Не надо! И никогда не надо курить при мне...

– Почему?

– Отец курил всегда...

– Ну и что?

– А потом он нас бросил...

Отбой.

Трубит золотая труба.

Дозволенное нарушение режима. Предполагается всю ночь не спать. Мероприятие называется «*Встреча восхода солнца*».

Мы шли, растянувшись по дороге, и громко пели под гитару похабные песни.

По обе стороны дороги было поле, весь в росе серебрился овес.

Мы шли навстречу свету, орали и пели. Наша грубая матерщина широко неслась над предрассветной землей. В груди сладко щемило от невиданного чувства свободы.

Я помню, плыли в тишине

Четыре билого мицне...

Но лишь теперь понятно мне,

Что это было Каберне...

Не пойман – не вор

Говорят, не пойман – не вор. Предрассудки. Пойман, не пойман, все равно вор. Даже если никогда ничего не украл, не пробовал и в мыслях никогда не имел.

Все равно вор. И надо бежать.

Кажется, все время куда-то бегу, а кругом какая-то сплошная комиссия по делам несовершеннолетних.

Иногда останавливаешься, замедляешь бег. Кажется, убежал.

Как какой-нибудь дефективный беспризорник, из книг про 20-е годы, который свинтил в подъезде лампочку и несет на рынок. Неужели, наконец, улыбнулось счастье?

Нет! Рано радоваться.

– Эй, дефективный! Постой... Да куда же ты?.. Стой, сука!

Ребенок убегает по гулкой, как барабан, мостовой, прячется в ржавчине переулков...

Может быть, теперь, наконец, убежал и не пойман, значит, не вор...

На детское плечо опускается тяжелая рука взрослого.

Влип! Поздно бежать. Мгновенный ужас сменяется равнодушием обреченности.

А взрослый говорит:

– Не разбей, дурачок, лампочку.

Ребенок смотрит снизу. Над ним высокий седой старик со светлыми печальными глазами. Он кажется просветленным от голода и похожим почему-то на старого художника или – на патриарха.

Ребенок уходит нетвердыми шагами. Улица поката. Нужно еще устоять на ногах. В

окнах закат. У дефективного кружится голова.

– Ничего, – шепчет он, – повезло, добрый дяденька...

Стихи:

*Вдруг откуда-то летит
Маленький комарик,
А внутри его горит
Маленький кошмарик*

Еще стихи:

*Соседний дом идет на слом,
И одиноко-одиноко
Родильный дом стоит, как слон,
Назло текущему потоку*

Да-да. Мы все появились на свет в родильных домах. Или почти все. И не можем, сказать даже про дом, где выросли, как про родной по-настоящему дом.

Школа жизни. Математика

Никак не могу вспомнить, что к чему.

Что к чему прибавляется. То ли постоянная к интегралу, то ли интеграл к постоянной.

А от перемены мест слагаемых только в школьной алгебре ничего не меняется, а на самом деле меняется многое... Очень, очень многое!

Сом

Сретенка. Поворот на Садовое. Рыбный отдел. Живой сом. Цена: 1 р. 04 коп.

Пусть кто-то вздохнет о старине, пусть кто вздохнет о былой цене, а я вздоху о соме.

Действительно живой, он лежит прямо на прилавке, лицом к покупателям, свесив хвост назад, за прилавок, в рыбный отдел.

Он открывает и закрывает рот. Тяжко дышит. Рядом с сомом ценник: 1 р. 04 коп.

Сом, слон, сон...

И с отвращением читая жизнь мою

Осень. Холодно, сыро. Грустно. Главное, холодно. Кажется, что оттого и грустно.

С пачкой унылого печенья и банкой сайры я грустно стою у окна гинекологического отделения. Тут не лечатся и не рожают. Тут аборт делают.

Я был молод (19 лет), глуп, ничего не понимал, только что-то очень плохое чувствовал. Какой-то мутный холод внутри. Холоднее осеннего.

За окном, в коридоре. Ходили женщины в некрасивых домашних халатах.

Окошко, в которое я несколько минут спустя, совал свою дурацкую передачу, было

неудобное, низкое, чтобы говорить, приходилось нагнуться...

Я что-то беспомощное говорил, в любимые глаза смотрел с жадностью...

Воспоминания

Прежде, чем отчаяться и решиться к своим воспоминаниям приступить, я много других прочел: Г. Державина, Екатерины Великой, протопопа Аввакума, Ник. Чуковского, Евг. Шварца, Н. Ильиной, П. Абеляра, Дж. Оруэлла, А. Вертинского, Ив. Ив. Дмитриева, и его племянника Михаила, Надежды Тэффи и других многих, не все вспомню вдруг. Прочел и заметил любопытное: чужие жизни, отраженные памятью, захваченные в распорядки слов, кажутся огромными, почти безграничными, в то время, как своя – такая маленькая, не заметно даже.

В пути

Автобус останавливается. По бокам лес. Елки, палки, папоротник, сыро.

Девочки – налево. Мальчики направо.

Все так. Но это уже только в моей памяти так.

Мы еще невелики ростом: совсем невысокая трава в хвойном лесу, папоротники, осока и какая-то еще, не знаю, как называется, – с большими круглыми листьями нам едва не по пояс.

И не автобус останавливается. Целая колонна автобусов. Нас везут в пионерский лагерь.

А дальше? А дальше... А дальше трубила труба. Золотая.

Пушкин

«А почему памятник Пушкину, а улица Горького?» (ребенок в троллейбусе спрашивает).

Поэт

1

В нашей школе поэт стоял у входа в столовую. Папиросный окурочек в его руке сменялся недоеденным яблоком, к которому он так же не проявлял интереса.

Поэт сидел один в своем огромном (по его росту, он и сам был огромен в виде памятника) кресле, высоко подняв тяжелую голову.

Камни и растения нашего самодельного зеленого уголка молчали у его ног. В маленьком пруду с непроточной водой и цементными берегами плавала конфетная бумажка.

Поэт. Памятник. Крашеный гипс.

2

Отец рассказывал, как в его детстве, в довоенной южноуральской деревне Пушкина знали: на гулянках на его стихи пели песню и даже под нее плясали:

Прибежали в избу дети,
Второпях зовут отца... и т. д.

Вспомни!

Вспомни! Вспомни!
Стоит только напрячь память, и – многое, многое вспомнишь.
Вспомнишь даже, где вчера вечером свою шапку бросил.

Выпьем

Выпьем. С горя. Где же кружка?
В самом деле, где?
Кружку Пушкин будет искать?

Остановка в лесу

Ничего не поделаешь. Мы все уходим куда-то.
Девочки – налево. Мальчики – направо.